

Как НЕМЦЫ с Волги АНГАРЦАМИ становились

- 20 сентября 1941 года, день, когда мне исполнилось восемь лет, я не забуду никогда. Помню, приходит отец с работы и говорит маме: «В селе что-то происходит, с крайних улиц людей куда-то увозят. И нам, наверно, надо к отъезду готовиться». Как я узнала позже, где-то был взорван мост, и немцев обвинили в этой диверсии. Родители до последнего не верили, что это коснется всех, надеялись, что нашу семью не тронут, но этого не случилось.

Иван Васильевич и Екатерина Андреевна Беккер до войны жили в селе Теньков Пальцевского района Саратовской области. Работали, растили детей - Катю, Ивана и Женю. Но пришла война...

О департации волжских немцев написано и сказано много. Сегодня о судьбе своей семьи, о тех испытаниях, что пришлось преодолеть, рассказывает Евгения Ивановна ЛУШНИКОВА, старейший житель села Кежма.

сколько раз поезд ехал под землей. Наверное, это были длинные туннели. В Красноярске была остановка. Нас под конвоем повели в баню, и мы впервые за

ворить по-русски. Стыдно не было, ведь я не воровала, а работы не давали.

На краю села жила одна дряхлая старушка. Как-то она пригласила меня к себе. Я рассказала об этом маме, но она очень испугалась: «Не ходи туда, Женя, там тебя убьют. Где я тебя потом искать буду?» И все же я уговорила маму и пошла к старушке.

Но страхи наши были напрасны. Она не только накормила меня, но и надавала столько еды, что я даже унести ее не смогла. Бабушка дала мне саночки, и мама

и отправил меня в Кежемскую больницу. О привезде отца мне рассказала мама.

Она как раз варила пашоку. Приходит Браун и говорит: «Катя, давай я пашоку буду варить, а ты поднимись на горку - сегодня твоя Иван придет». Мама не поверила. Через некоторое время Браун опять пришел и говорит: «Смотри, по дороге два мужика идут. Какой из них твой-то?» Один и вправду был мой отец, только сильно изменившийся - годы не пощадили его. Оказывается, пашоку пристал далеко от

на несколько лет назад ездил в Германию познакомиться с родными - авт.).

Только вот я задержалась на Ангаре. К тому времени я уже с мужем жила. Познакомились мы с Володей на острове, куда я дойти коров ездил, а он на посевной трактористом работал. Сначала мы с ним жили в Кове, затем у его родителей в Кежме.

Вскоре нам отвели в Революционном переулке одиннадцать соток земли, где начали мы строить дом. Володя каждое бревнышко возил из леса на лошах, обтесывал. Вот так, в основном вдвоем, и построили дом семь на восемь, где и сейчас живу.

Что говорить, много встречалось в моей жизни злых людей, но было много и хороших. У ангарцев я многому за свою жизнь научилась. Прежде всего, говорить по-русски. И рыбу теперь умею ловить, и ягоды-грибы собирать.

Еще «я жила в Подсобном, мы с братом пилили дрова на продажу. Я была слабая и быстро уставала, но деньги семье были нужны. Как-то одна старушка решила обучить меня плести кружева. Дала немного ниточек, и я стала не дровами, а кружевами на жизнь зарабатывать. Потом и варежки, и носки, и джемпера научилась вязать, прядя пряжу на заказ.

А как я была благодарна моим соседкам, которые научили меня вязать красных тканей! Свои красна отдала мне бабушка Настасья. Соседка Катя запрямила мне на станок не две нити, что попроче, а сразу четыре и говорит: «Учишь сама, а если что сделаешь не так - по рукам быть буду». Поначалу ничего у меня не получилось, все ноги путала - на нужную педаль не попадала. Разозлилась я и решила крестом в реке утопить. Но дотом подумала: «Медведица в цирке учат на мотоциклах ездить, а я что, глупее медведя? Все равно научусь!»

Запла как-то к нам соседка Дуня и видит, что я мучаюсь. Запела под кросна и стала мои ноги на нужные педаль ставить. Так и помогла. И теперь у меня еще кросна есть, но я уже на них не ткаю.

Сибирь стала для меня второй родиной, а ангарцы - учителями и друзьями. С нами, немцами, их роднит трудолюбие и золотые руки.

Подготовила Галина БАРАНОВСКАЯ.

На снимках: Кежма в 70-х; Евгения Ивановна (90-е годы).

Фото из семейного архива Е. И. Лушниковой.

В этот же день к нашему дому подошел автобус. Нас, детей, вместе с мамой погрузили в него, а отца куда-то увезли на машине (его отправили в гударию - авт.). Когда нас подвезли к Волге, шел сильный дождь, и мы увидели сотни людей, сидящих на земле прямо под открытым небом. Вместе с ними на берегу остались и мы. Пока ждали транспорт, многие, в основном дети, умирали. Их тела бросали прямо в реку. Наконец пароход подошел, он был двухэтажный. Народу в него набилось очень много.

Везли нас долго, несколько раз пересаживали с корабля на машины, с машин на автобусы. Наконец приехали мы на станцию Соп под Красноярском. Неподдалеку от нее в лесу стоял огромный барак, там мы и поселились. Поначалу даже не знали, где взять поест, где дров раздобыть. Потом пришел приказ матери с детьми собираться в дорогу. С нами вместе в барак жила моя тетя, которой приказа отъезжать не было. Помню, как она испугалась и заплакала: «А мы куда? Нас что, расстреляют или в барак всех опрут?»

И мы опять куда-то долго ехали, то телегами, то машинами, затем пересели в поезд. Нам запрещали открывать в вагонах окна, а мы мучались от сильной духоты. Не-

многие сутки помылись. И опять повезли куда-то, вскоре пересадив с поезда на пашоку и катера. Кормили раз в сутки.

Уже весной, пробыв в пути полгода, попали мы в деревню Усольцево Кежемского района. Когда пашоку подплывал к берегу, мы увидели толпу ребятшек. Они стали бросать в нас камни и кричать: «Фашистов привезли! Скрыться от камней было некуда, и мы все pokrылись синяками.

Выручил нас древний старичок, который пришел на берег и разогнал ребятшек: «Они такие же люди, как мы, - сказал он. - Не смеите над ними издеваться!».

В Усольцево нас вместе с еще двумя семьями поселили в Андреевский поселок и Марий Михайловне Усольцевым (родителям Зои Андреевны Воловик), у которых был большой двухквартирный дом. Видя, как трудно мы живем, они и их дети подкармливали нас. Благодаря их доброте, мы выжили.

Несмотря на то, что рабочих рук в деревне не хватало, немцев на работу не брали. Мама от очтаания решила продать свое пальто, чтобы нас прокормить. Но на счастье дядя, который находился в Алма-Ате, прислал перевод, и пальто было спасено. Его потом носила сестра Катя.

Так как я была в семье самая маленькая, то ходила от дома к дому и выпрашивала еду - голодная, плохо одетая, плохо понимающая и не умеющая го-

подмесяца смогла кормить нас. А я хоть дома отогрелась, отдохнула.

Немного позже неподалеку от Кежмы (в том месте, где позже располагался пионерский лагерь - авт.) создали немецкое поселение, которое потом все стали называть Подсобный. Вот там мы, наконец, получили работу, и зажили намного лучше. Сажали огороды, урожай с которых продавали в Кежме. Варили из свежести пашоку, ее тоже у нас хорошо покупали. Были в Подсобном и коровы. Многую мы научились тогда, а вот рыбу немцы не ловили.

Старостой поселка был Браун (имени не помню), он за нас отвечал и помогал, чем мог. С его отъездом поселок распался. Но остались в Кежемском районе Беккеры, Брауны, Синеры, Веберы, кто-то и до сих пор живет.

Отец к нам вернулся осенью, последним пашоку. Мне не удалось его встретить. Я в ту пору очень болела, и Браун, придя к нам домой и увидев, что мне совсем плохо, вызвал «ско-